

«Над Америкой Чкалов летит» – новая книга Евгения Сливкина, значительно долго живущего в Америке, бывшего ленинградца. В неё вошли избранные стихотворения, написанные в период начала 2010-го по октябрь 2017 года. Сливкин – поэт ярко выраженной интонации. У него трудно найти стихи элегического настроения, хотя такие и есть – и они хороши. Но его темперамент проявляется в полных экспрессии, напористых стихотворениях гораздо чаще и убедительней. Он никогда не затягивает свою стихотворную речь, не бывает многословным, стихотворение выстреливается на сильном коротком выдохе. Автор при этом высказывается вполне исчерпывающе – его поэтическая мысль неожиданна и парадоксальна. Если определить главное ощущение, которое сопровождает читателя, идущего за поэтом на протяжении всего корпуса стихов, – это боль. Идёт ли речь о теме сыновней памяти, или ином впечатлении от прожитого и пережитого, это боль, которую он иногда прячет с помощью иронии или самоиронии.

Но не вмещает панорама,
раздвинутая до угла,
угрюмый госпиталь, где мама
от долгой жизни умерла.

Откинув простыни сырые,
без дрожи скальпеля и век
её терзал хирург-сириец,
и анестезиолог-грек

совался с милосердным шприцем,
и боль-игла была остра...
Под маской белозубым блищем
повспыхивала медсестра.

И для не верящего в связь
спасения и крестной муки
иная эра началась,
когда они умыли руки.

И ещё одно, идущее следом, теперь уже об отце:

Пляшут руки танец Паркинсона,
ноги оккупировал артрит.
С некоторых пор твоя персона
обрела карикатурный вид...

Счёт перевалил за девяносто;
только типография газет,
дом свиданий или пароходство
может продержаться столько лет.

Этот срок – историк скажет, детский –
исполины (тем, кто помнит – пять!),
ни австро-венгерский, ни советский,
не успели просуществовать.

Но вот уже другая тема, другой пристальный взгляд поэта:

Как на стезе земной да без анестезии!
Такую боль терпеть – не вытерпишь всерьёз.
А Бог на всех один, особенно в России,
Он – Яхве, Он – Аллах... Он общий, как наркоз.
Прилажены ко ртам дыхательные трубки,
а вентиль под рукой: открыл – и хлынет газ;
с шипением змеи и ворковнѣй голубки
во внутрь он потечёт и вмиг заполнит вас...

У Сливкина есть и ярко выраженная сатирическая нота. Но и она не превращена в злобную отповедь возможному оппоненту. Поэт выше выяснения позиций и отношений. Он и тут умудряется быть сопереживателем, сочувствователем по отношению к тем, кто был очарован фальшивым энтузиазмом времени:

Вверх под купол к обёрнутым фольгой планетам
бутафорские крылья уносят в полёт:
негритѣнку, что станет советским поэтом
колыбельную в цирке Михоэлс поёт.

И великой страны белозубый подкидыш
улыбается линзе Френеля в лучи,
и безумного Лира шекспировский идиш
так певуче, так ласково-нежно звучит.

Звѣзды цирка, дождѣм золотым осыпайтесь,
из восторженных рук вырывайте цветы;
спите, зрители, спите и не просыпайтесь –
оставайтесь в стахановской шахте мечты...

(В скобках замечу для тех, кто не знает: маленький герой знаменитой советской кинокартины, действительно, стал советским русским поэтом Джимом Паттерсоном, во времена перестройки уехавшим в Америку, где и растворился).

К одному из своих стихотворений поэт взял эпиграфом строку из Мицкевича: «Едка и жгуча горечь моей речи...». Эти слова можно отнести и ко всей книге в целом.

Таков же характер другого стихотворения. Подмеченное печальное событие в аэропорту продолжает переживаться чувством человеческой боли в полёте, хотя, казалось бы, персонаж, описанный автором, может быть, и вызывал раздражение:

На страже баула и кейса,
почти без отлучек в сортир,
задержкой маршрутного рейса
отбросил коньки пассажир.

Крыл матом, курил самокрутки,
к тому же несло за версту.
Сказались бессонные сутки
в неладном воздушном порту.

Но кончилось время простоя,
и сквозь кучевую грядку
летит его место пустое
в проходе в четвёртом ряду.

Листаешь книгу, перечитываешь её, удивляешься: как, вроде бы простая на поверхностный взгляд, мысль, вдруг пронзает тебя истинной глубиной и вызывает грустную ноту:

Чередой несчитанных недель –
месяцами жизни в год из года –
длится эта тихая дуэль,
будто у неё и нет исхода!..
Над стаканом дышит имярек,
тикает запястье имярека:
время убивает человек,
время убивает человека.

Нужно отметить, что версификационная свобода Сливкина безупречна. Она позволяет ему щедро разбрасывать образы и метафоры по стихотворениям, слово у него всегда на точном месте. Музыка стиха, наполнена богатой, но не навязчивой аллитерацией. Вот восемь самоироничных строк о, кажется, неудавшейся картине. Поэт прячет улыбку – картина-то удалась. Она зримо выписана и музыкально озвучена:

В неброском небе над Небраской
одна неблёткая звезда

стоит, зятая ряской,
как неподвижная вода.
Под той звездой на небе плоском,
до беспредельности продлясь,
Небраска выглядит наброском
картины, что не удалась.

Как прав автор послесловия к этой книге Карен Степанян, замечая, что в поэте Сливкине живёт неизжитая детскость удивлённого взгляда. Кстати, книга замечательно оформлена «детскими» рисунками художника Александра Ахвледзиани (Сандро). Вот поэт вернулся на какое-то время на родину и проездом (этим словом названо стихотворение) замечает:

...А девочки прокалывают уши,
на кофточках защёлкивают брошь,
и сами в руки падают, как груши
поспевшие, – уж замуж невтерпёж!

А в общем, жизнь и лучше, и трезвее,
не так-то просто в ней найти изъян:
на стенде в краеведческом музее
светлеют лица красных партизан.

Я мог бы здесь, о чём-нибудь мечтая,
жить и работать до скончанья лба,
когда бы улыбнулась мне простая
и с виду неприметная судьба.

И, словно подводя некий итог книге избранных стихотворений, поэт, посмеиваясь над собой, с горькой улыбкой бросает:

Меж собственных рёбер зажатый,
лежу, от сознания мыча;
не выселить ум из палаты,
ни в жисть не дожидаться врача.
Всего, что снаружи, условность –
отчётливей день ото дня,
и ходит на цыпочках совесть,
чтоб не беспокоить меня.